

18+

Французский поцелуй
Мемуары другой планеты и рассказы.

Сергей Ростовцев

Сергей Юрьевич Ростовцев

Французский поцелуй.

Мемуары другой

планеты и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53661326

ISBN 9785449862136

Аннотация

Это было время, когда мир был для меня. Как-то мы с Яной гуляли по берегу, и я плел ей чего-то о звёздах, постоянно думая, как затащить её в один из стогов, которые стояли за кинотеатром Степка, из которого мы возвращались по берегу. – Сережа! Я вовсе не пай-девочка, и твои знания астрономии меня интересуют мало, – неожиданно сказала Яна, повернувшись. – Тогда пошли, – сказал я и приготовился получить по морде. – Да, – сказала Яна. – Но сначала это. Она притянула меня к себе и поцеловала. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Степок земной рай	5
Верблюд	11
Мина	16
Яна	18
Французский поцелуй	22
Рецензия	24
Компания	26
Люда	28
Поцелуй	30
Короткие воспоминания о женщинах	32
Воспоминание первое	32
Воспоминание второе	34
Воспоминание третье	35
Воспоминание четвертое раннее	37
Воспоминание пятое	38
Воспоминание шестое	39
Как меня били	40
Школа	40
Сборы	42
Учебка	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Французский поцелуй Мемуары другой планеты и рассказы

Сергей Юрьевич Ростовцев

© Сергей Юрьевич Ростовцев, 2020

ISBN 978-5-4498-6213-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Степок земной рай

Это было благословенное время, когда мир, казалось, был предназначен и заточен под меня. Никакие опасности в этом моём мире мне не угрожали.

1970 год, Кириловка, коса, Степок. Мне семнадцать лет.

По идее я должен был готовиться к экзаменам в универ. Выбор был – биология.

Биологией я заболел два года назад. В 1968 году папа, со своей семьёй (моя мама с папой давно развелись) взял меня в Крым. О поездке в Крыму я как-нибудь в другой раз расскажу, но именно в Крыму я заболел биологией. А еще точнее, заболел биологией моря. А ещё точнее, возможность нырять в восточном Крыму с маской, родила во мне желание заниматься биологией, нырянием в этот рай, всю оставшуюся жизнь.

И биологию я таки учил.

Конечно, я не был зубрилой. По сравнению с буржуазными мальчиками, я был отпетым хулиганом. Зато по сравнению с отпетыми хулиганами, я был буржуазным, интеллигентным мальчиком. Я даже, оставив дома карманный ножичек, ходил в читальный зал.

А до мечты стать ихтиологом, я мечтал стать писателем фантастом и писать либретто к опереттам. Концертмейсте-

ром в оперетте, работала моя вторая бабушка, мама папы. Но продвинемся к Кириловке и к Степку.

У моей главной бабушки была подруга. Подруга работала в автобусном парке. А у этого автобусного парка рядом со Степком была база отдыха. Базой отдыха назывался палаточный лагерь. Вот в этот палаточный лагерь и достала путёвки бабушкина подруга.

Надо сказать, в дальнейшем это будет иметь значение. У подруги был свой интерес. Вместе с нами она отправила свою двадцатисемилетнюю дочь, у которой была парализована нога.

Путёвки, субсидированные профсоюзами автопарка, были на три недели и стоили совершенно смешную цену – 5 рублей на человека. Это с палаткой, питанием и водой. СССР – коммунизм.

Туда, в Степок, отправились моя мама с бабушкой, и дочерью подруги по имени Наташа и я с сестрой, которой тогда только исполнилось девять лет.

Естественно для автопарка, нам был подан бесплатный автобус.... Не нам одним, конечно, а всем, кто в Степок от автопарка направлялся.

Автобус был не один и вообще был полупустой. Я расположился на самом заднем сидении, куда ни кто не хотел садиться, боясь качки и начал наблюдать за происходящим

в автобусе.

Наблюдал я, конечно, не открыто, а делая вид, что читаю книгу. Книга была большая, толстая и касалась физического микромира и теории относительности. А ведь я всегда представлял себе, что после Эйнштейна, я остался единственным представляющим устройство физической природы мира, всей Вселенной, от мега галактик, до кварков. И если кто думает, что в этом своём мнении я был тогда не искренен, пусть плюнет себе под ноги. Сейчас, конечно, у меня появились некоторые, небольшие сомнения.... Но тогда...!

Ну а кроме этого я ещё окончил факультатив по истории дипломатии, ведя там тему Греции. Кроме прочего, это происходило после того, как я некоторое время посещал драмкружок дворца пионеров. Я не хвастаюсь. К чему я обо всём этом говорю, будет ясно абзацем позже.

Но продолжим.

Я держал книгу в руках и смотрел, как небольшое количество мальчиков, плюс-минус моего возраста, стало знакомиться с чуть большим количеством девочек подходящих для, ... по крайней мере, флирта. Хотя этого слова находящиеся в автобусе ребята не знали. В этом автобусе был рабочий класс, не мнивший себя новыми Эйнштейнами, Фрейдами, Жюль Вернами, Лео Штайнами и Жаками Кусто одновременно или даже отдельно.

Обладателей членских удостоверений читального зала, там не было.

Так вот эти юноши, знакомые и родственники работников автопарка, начали атаковать девочек, а я сидел и «читал».

Но дорога долгая. Часов девять.

Юноша, не проявляющий к ним, к девочкам интереса, этих девочек раздражал.

Сегодня, девочки могли бы подумать, что этот юноша педераст. Но тогда, в рабочей среде Советского Союза о педерастии знали только из рассказов о тюрьмах. В тюрьмах пидарастили насильно, это называлось – опускали. Опускали тех, кто очень провинился перед сокамерниками. Представить что можно стать педерастом добровольно, что мальчику будут нравиться не девочки, а мальчики, выходило за грани здравого смысла. Это никем не рассматривалось как возможное. И это, я считаю, было совершенно правильным.

Так вот, усевшийся на заднее сидение юноша, не проявляющий интереса к знакомству с девочками, с которыми ему предстоит провести почти месяц, выходил за рамки понимания этих девочек, раздражал, вызывал интерес и любопытство.

Заметив, что всё девичье население автобуса, через четыре часа моего непонятного поведения устремило на меня свои взоры, я стал «читать» ещё усердней.

Наконец любопытство двух девушек не выдержало, и они пошли на штурм.

– Что читаем?

– Очень интересная книга?

Задали вопросы две севшие вокруг меня девочки, бывшие немного моложе. Ну, лет по пятнадцать – шестнадцать.

– Очень интересная – Сказал я с воодушевлением. – Вот, пытаюсь найти ещё одну возможную симметрию, для кварков типа «очарование». Думаю, что динамически изменяющаяся, радиальная симметрия подойдёт.

Говорил я это так, как будто вчера рассмотрел с ними все остальные варианты симметрии кварков. Мысль о том, что меня поймают на откровенной ерунде, отсутствовала. Я был достаточно искущён и понимал, кто передо мной.

Девочки открыли рты.

Вообще, это было время, когда физики были в большом почете. Но вот так, запросто, в автобусе, идущем на базу отдыха, встретить сумасшедшего физика, было не рядовым событием для девочек их круга.

– Расскажи об этом.

Моя приветливость воодушевила девчонок, и через три минуты, все остальные их ровесницы сидели вокруг меня.

Я уже не помню, какую ахинею я нёс..., а нёс я её вполне сознательно, но рассказывал я интересно. Интересно, тем более что гормоны, игравшие и у рассказчика и у слушательниц мини-лекции, только этому способствовали.

Сейчас мои сверстницы хрен бы начали меня слушать, начни я этот рассказ. Во-первых, я старый и больной, а во-вторых, теоретическая физика в современном мире ушла куда-то на задний план и стала уделом шарлатанов. Причём,

не шарлатанов, решивших завоевать внимание окружавших особ прекрасного пола, а шарлатанов выкачивающих деньги из казны государств и не оставляющих никаких возможностей на развитие настоящей науке.

Но не будем о грустном. Тогда шёл 1970 год, мне было семнадцать лет, и впереди была целая жизнь.

Так, окружённый девичьим цветником, под хмурыми, но вовсе не злыми взглядами ребят (девочек было больше, и они, ребята, понимали, что я калиф на час, хоть и это им было обидно), мы и въехали в рай земной, которым был палаточный лагерь немного южнее села Степок.

Верблюды

Вообще, если кто думает, что кроме девочек меня в то время ничего не интересовало, ошибается.

Нет, если бы я тогда знал, что такое жизнь, я бы не упустил ни одного момента. Но я был жуткий привереда. Мне нужно было в женщинах такое... такое..., что впоследствии я на свою голову и находил. Но не будем о грустном.

А быт наш был довольно прост.

В больших палатках стояли раскладушки. Для молодёжи поясню. Раскладушка это такая из алюминиевых трубок конструкция. К трубкам цеплялись пружинки, а на пружинках держался плотный холст, на который клался матрас, на котором, застелив его простынёй, мы спали. Естественно, раскладушка могла существовать исключительно как одноместная кровать. Хлипкое было сооружение. У нас была шестиместная палатка, в которой стояли пять наших раскладушек.

Я привык к раскладушке дома. Большую половину своей тогдашней жизни, я спал именно на раскладушке. Но дома, утром, раскладушку надо было складывать, а здесь она стояла постоянно. И это было в кайф.

Палаток было значительно больше, чем отдыхающих. И примерно треть палаток, была пуста. И все они были разноразмерные. На три, на четыре, на шесть, на восемь, на десять мест. В любое время автобусы могли привести новых

отдыхающих, если бы такие нашлись.

Наш палаточный лагерь, был почти рядом со Степком. А на юг от него, еще примерно на метров шестьсот, развернулись палаточные лагеря других профсоюзных организаций.

Лагеря, чисто символически, огораживались проволоочной сеткой. Но по берегу пройти было вполне можно.

Чем нас кормили, я уже не помню. Ели мы всё. Идеи что что-то можно не любить, в тех головах, или помнивших, что такое голод или воспитанных родителями, которые его прошли быть не могло. Но помню, что еды иногда не хватало для полной сытости и перекрытия той энергии, с которой мы отдыхали. Тогда в Степке покупались яйца и хлеб. Яйца варили, а чаще жарили на освобождающихся после обеда кухонных оборудованьях базы.

А по вечерам, рыбаки на шаландах, привозили нам мелких креветок. По рублю, за ведро. Креветок варили и радостно щелкали как семечки.

Компьютеров и телевизоров там не было, а были длинные вечера, под пение сверчков и плеск теплого моря. Если кто-то не знает, что такое счастье, так я только что его описал.

Но было и то, о чем в книгах раньше писать было не принято. Был туалет, или как его тогда называли – уборная.

Уборная представляла собой маленький, деревянный сарайчик, с дырой в полу, стоящий над выкопанной в песке ямой, метров за семьдесят от палаточного городка. Вглубь

косы.

У каждого из палаточных лагерей, были свои один или два туалета.

Естественно, единственной одеждой, которую носило население палаточного городка, были плавки и купальники. Комаров там не было. Но по вечерам, кто-то одевался в спортивные штаны и рубашу. Но было так тепло, что и это казалось чем-то социальным.

Ну, так вот. Купальники у девочек были яркие. Они то и играли над ними злую шутку.

Неожиданно в жизнь палаточных городков, развлечением для мужиков, вошёл верблюд.

Верблюда звали Адам. Он был дикий. Говорили, что изначально он был очень добрый, и они с матерью приходили гулять из дачи Хрущёва, располагавшейся километров за десять к югу, от палаточных городков. Адам и его мать, там жили. Но однажды его мать съела паука и умерла. Не особенно разбирающиеся в этологии смотрители дачи, сожгли её на глазах у Адама. С тех пор Адам перестал быть добрым верблюдом и ходили слухи, что он кого-то покусал, а кого-то потоптал, хоть и не до смерти.

Но это слухи. А то, что видели мы, было совершенно другое.

Заметив издалека, яркий купальник, Адам бежал к туалету, в котором скрылась его обладательница, и часто успевал к тому моменту, пока она его покинет.

Когда обладательница яркого купальника выходила из туалета, не ведая об опасности, Адам срывал с неё верхнюю часть ее туалета, и тряс её головой. А девушка, оказавшаяся топлес, прикрывая руками грудь... обычно не очень тщательно, бежала к своему палаточному лагерю, навстречу мужикам, стоящим за оградой и с удовольствием наблюдавшим это зрелище.

Некоторые девушки от этого «позора» страдали, а для некоторых, представлялась возможность продемонстрировать мужскому обществу свою грудь, когда ни кто не мог бы обвинить обладательницу голой груди, в аморальности. Думаю, таких было большинство. Потому что не желавшие демонстрировать грудь, выглядывали из туалета, а потом неслись к лагерю зигзагами и с такой скоростью, что Адам, даже не старался их догнать.

Лифчик, потом находили, стирали и опять использовали по назначению.

Но это развлечение, которое проходило всё же, не так часто как хотелось бы, подвигло меня на одну акцию.

Я сорвал ветку какого-то низкого растения, из тех которые ел Адам, и стал ходить за ним с этой веткой.

Сначала это Адама раздражало. Но когда он разворачивался, я старался всё равно быть позади.

Наконец он ко мне привык и перестал обращать на меня внимание и однажды, улёгся на песок.

Я подошёл и протянул ему ветку.

Он её объел.

Я сорвал ещё. Он опять её объел.

Тогда я совершенно осмелел и взобрался между его двумя горбами.

Если кто никогда не сидел на двугорбом верблюде без седла сообщаю: Обнять бока верблюда, как бока лошади, невозможно. Сидя на нем с ногами в разные стороны я сделал почти шпагат. Ну не шпагат, но ощущение было примерно, как я никогда не делавший шпагат предполагал, почти такое же.

Адам стал пытаться достать мои ноги губами и возможно зубами. Я с той стороны, в которую он поворачивал голову, сгибал ногу назад.

Наконец Адам встал и пошёл. Сделав шагов двадцать, он опять лёг на песок.

Решив не испытывать судьбу далее я слез с животного сорвал ветку и протянул ему.

Он объел ветку, а я погладил его по носу.

За моим триумфом наблюдали обитатели всех лагерей прильнувших к проволочной сетке.

А я с чувством превосходства над всеми их обитателями, зашагал к себе в лагерь.

Многие фотографировали это мероприятие, но фоток я так и не получил.

Мина

Как старший брат, я гулял по косе со своей сестрой.

Если бы сейчас, мне, живущему в Израиле, кто-то рассказывал мне подобное, я сказал бы что это очень опасно. Но в то благословенное время, когда мир, казалось, был предназначен мне и для меня, и никакие опасности в этом моём мире мне не угрожали.

Мы ходили почти до дачи Хрущёва, переплывая проливчики. А это десять километров в один конец, без пресной воды, под ласковым солнцем Кириловки.

По дороге мы купались, пытались что-то найти интересное. Кто его знает, что море выбросит на берег.

И вот однажды мы обнаружили какой-то удивительно круглый камень. Сейчас бы я сказал, что камень напоминал диск дискобола, но тогда это была какая-то интересная штука, сантиметров двадцать пять в диаметре и сантиметров восемь по высоте в центре.

Мы захватили ее с собой, и пошли домой в лагерь.

В лагере я взял молоток и попытался очистить этот округлый предмет, от налипших на нее раковин.

Под раковинами была действительно какая-то округлая жестяная коробка.

Я решил отрыть ее именно так, как открывают консервы. Стал бить молотком по ребру.

Коробка открылась, и из нее посыпался какой-то белый порошок.

По центру коробки были пружинки с острьяками с одной стороны.

Когда коробка открылась, остряки тут же отскочили. Я вынул пружинки и обнаружил, что они упирались в четыре патрона, засевшие по центру белого вещества.

– Мина. – с удивлением сказал наблюдавший за процессом разборки мужик. Разборку я, естественно произвел рядом с палаткой, где мы жили.

Оценить степень везения того... существовавшего тогда парня, сегодня я уже не могу. Такого не бывает.

Весь мир, был предназначен для этого парня и никакие опасности в этом, его мире, ему не угрожали.

Яна

Каким бы везунчиком я не был, с девушками мне не особенно везло. Ну, так я тогда думал. Причина была даже не в девушках, а во мне самом.

Слишком я был переборчив.

Я нравился многим девушкам и знал это. Но те, кто нравился и более мне, меня отвергали. Было даже три случая, когда девушки которые меня отвергали, через некоторое время хотели отношений со мной. Но было поздно. Тот огонь, который горел тогда, когда меня отвергали угас, а просто со «спортивными» целями, мне никогда отношения были не нужны.

Но огонь!!!

Сегодня, когда об отношениях с женщинами мне можно начать постепенно забывать, я понимаю, что Яна была единственным светлым ликом, без единой, хоть маленькой тени, в моих отношениях с прекрасным полом.

Яна была на два года старше. Яна была единственной женщиной интересовавшей меня во всём лагере.

Даже сегодня, через такое количество лет, которых многим и прожить было бы за счастье, когда я ее вспоминаю, всё моё нутро наполняется чувством восторга.

Она была взрослой, но не была циничной.

Яна не была безумно красива. Она была симпатичной

и обаятельной. Но самое главное, чего я потом так до конца почти и не встречал в женщинах, она умела говорить правду. Говорить правду всегда.

Как-то мы гуляли по берегу, и я плел ей чего-то о звёздах, постоянно думая, как затащить её в один из стогов, которые стояли за кинотеатром Степка, из которого мы возвращались по берегу.

– Сережа! Я вовсе не пай-девочка и твои знания астрономии меня интересуют мало. – Неожиданно сказала Яна повернувшись.

– Тогда пошли. – сказал я и приготовился получить по морде.

– Да. – сказала Яна. – Но сначала это.

Она притянула меня к себе и поцеловала.

Я никогда не делал этого в стогу. Я думал, нужно залезть на стог сверху и не представлял, как это сделать.

Оказалось из середины стога нужно вытащить немного сена, и она становится ложем тех, кто пришёл доверить свои тайны именно этому стогу.

Кожа Яны, струилась тёплым шёлком. Грудь была мягкой и ласковой.

Потом мы бродили по берегу и говорили и о звездах и о стихах. Но теперь я говорил не с целью затащить, в стог, а говорил, раскрываясь как не перед кем до того. И Яна говорила о любимых книгах. Книги, которые нам нравились,

были разные. Яна любила Мопассана, Золя и каких-то других французов. Но какое это имеет значение?

Но однажды мы ошиблись.

Мы решили не идти далеко в Степок, а заняться этим в одной из пустующих палаток.

И моя мама нас поймала.

Уж сколько нотаций я выслушал... сказать трудно.

– Мне двадцать семь, но я девушка! – кричала мне презрительно, дочь бабушкиной подруги.

– Наташа! В 27 это уже недостаток. – грубил я в ответ.

Мои родные намекали мне на моральный облик Яны, но оскорблять её при мне, зная мой норов, всё же не решались.

Но хуже всего, что они что-то наговорили такого Яне, что при нашей встречи она сказала мне.

– Серенький! – так она ласкательно переделала имя Сережа – Я хочу, что бы ты знал. Мне с тобой было очень хорошо с тобой и до конца жизни я буду тебя помнить. Ты прекрасный и искренний романтик, и я хочу, что бы и меня ты никогда не забывал. Но в силу обстоятельств, мы не будем больше вместе. Сделать ничего не возможно. Но поцелуй меня в последний раз.

Потом, мне рассказали, что Яна приехала в Степок, чтобы провести месяц на море, перед свадьбой. Но что это меняет?

Яна осталась единственным светлым ликом, без единой,

хоть маленькой тени, в моих отношениях с прекрасным полом.

Французский поцелуй

Предисловие

То, что вы сейчас читаете, это и рецензия и мемуары и учебное пособие.

Не будь это рецензией, то это вообще никогда не было бы написано. Но когда я прочитал 51 страницу из 100.... Но по порядку.

Ко мне на почту пришло предложение одного сайта отправить на конкурс эротики, какую-то из моих книг.

Фильм по победившей книге будут снимать.

Ну, есть у меня книга. Вообще отношения мужчин и женщин я описываю в большинстве своих книг довольно откровенно. Но в этой книге «Аннигиляторы», сексу уделено особенно много места. Он являлся частью сюжетной линии. Я даже не знаю, как определить жанр этой книги. То ли фантастическое порно, то ли порнографическая фантастика. Фильм по ней вряд ли снимут. Не ради порно она писалась, но трахаются там, в оргиях очень долго и много.

Ну послал и послал. Так, для галочки.

Но когда послал, стало интересно – а что другие пишут, называя это эротикой.

Я старый брюзга. Я считаю, что книги, в которых отношение мужчин и женщин не описаны откровенно и достоверно,

фигня.

Ну не поймёшь, почему героиня уходит от героя, если не узнал, что у героя на неё не стоит.

Но при этом книги, которые написаны как эротические или порнографические, мне не нравятся. Секс очень естественная часть нашей жизни. Но это как еда, душ, сон.... Это инструменты жизни. И уж если посвящать этому книгу, то это должна быть инструкция, а не художественное произведение. Ну, типа, возможности нового смесителя в душе.

Ну, вот и выбрал я книгу, которую подписали две женщины и тоже отправили на этот конкурс.

Я не буду называть имён авторов и название книги, не желая обидеть этих дам. Но начало сюжета, прочитанной мной половины книги, опишу.

Рецензия

Некто Мария, приехала в Москву и устроилась работать в фирму «секс по телефону». Одновременно, она нашла себе канцелярскую работу, на случай если из секса по телефону её выгонят.

Вдруг она выяснила, что начальник фирмы, где она занимается канцелярией, один из её клиентов и телефонный садомазохист.

Язык книги классный. Я даже позавидовал. Я знаю, что писать. Я не графоман. Но язык....

Я не только о грамматике. Просто я иногда что-то напишу и сам вижу как коряво. Ужас. А тут, в той книге, что девочки написали, язык супер. Заслушаться можно. Какой прекрасное русские языков!

Если бы не язык, то дальше завязки, о которой я написал, я бы и не читал. Понятно же чем всё это кончится? Ну, будет такая смесь 50 оттенков серого и «Красоткой» с Юлей Робертс и Лёвой Гиром.

– Ну и что? – спрашиваю себя – Много ли книг, где начав читать, ты не знаешь, о чём будет дальше?

Нет, конечно, такие книги есть. Но в подавляющем большинстве, лучше бы их авторы писали по шаблону, чем выдавать в конце какой-то полный, то ли маразм, то ли идиотизм.

В общем – читаю.

Читаю, наслаждаясь языком.

Дохожу, наконец, до первого сексуального контакта – французский поцелуй.

Жалко мне стало девочек. Жизнь прожили, а их так никто и не целовал. Они даже не понимают о чем это – французский поцелуй.

Название это они не употребляют, но описывают его. И описывают по своим представлениям из прочитанного в книгах.

Они даже понять не могут, что если французский поцелуй это эротика, то эротика совсем другого уровня. Но об этом я ниже. А пока, чтобы закончить рецензию скажу..., вдруг прочитают.

– Девчонки! Когда вы пишете эротику, не описывайте ощущения. Только действия. Читатель, чтобы завестись, под эти действия свои ощущения должен подставить. Но это я уже о той странице, на которой прекратил чтение этой «эротики». А закончил я чтение, сексом в гараже.

Компания

Эта история случилась примерно в 1968 году.

Тогда я, семнадцатилетний красавчик попал в одну компанию.

Случилось это так:

Я писал стихи, а мой друг, Сашка Третьяков, играл на гитаре. Напомню ровесникам и сообщу молодёжи. Конец шестидесятых, это времена Битлс. И если кто-то из ребят не писал стихи или картины, то уж непременно играл на гитаре.

Вот Сашка и привёл меня в компанию, которая собиралась на верху проспекта Кирова, города Днепропетровска.

В компании было человек пять мальчиков и три девочки. Собирались мы по вечерам и играли в кис-кис и бутылочку.

Расскажу что это за игры. Бутылочку кладут на стол и крутят. А потом, тот, кто крутил целует ближайшую девочку к тому месту, в которое повернулось горло бутылочки.

В кис-кис, кто-то садится спиной к остальным, а остальные, якобы меняя голоса, по очереди спрашивают:

– Кис-кис?

Если голос понравился или это тот голос, то ответ:

– Мяу!

И между спрашивающим и отвечающим происходит поцелуй. Потом спросивший садится на место отвернувшегося

ся, и теперь он отвечает на вопросы.

Если голос не понравился, звучит ответ:

– Брысь!

Конечно, целовались только девочки с мальчиками. Иное тогда было невозможно.

Я жил, в отличие от своих товарищей по компании, в бан-
дитском районе. С детства все мальчики во дворе были уве-
ренны, что сядут в тюрьму. Но сесть нужно было по правиль-
ной статье. Ну там, грабёж или разбой. И не дай Бог, за изна-
силование. Сесть за изнасилование среди моих детских то-
варищей было самым позорным. И мы знали, что в тюрьмах
насильников опускают, или как тогда говорили – пидарастят.

Но к компании.

Была в компании девочка. Звали её Люда. Люда была
на полгода старше меня и только вышла после трёх лет дет-
ской колонии.

Ни кто не спрашивал её или других, за что она туда попа-
ла. Это было ясно. И это никого не смущало.

Вообще, кроме целования, мы вполне могли заниматься
сексом. И некоторые из этих девочек, с некоторыми мальчи-
ками этим и занимались. Но собирались мы, как компания,
вовсе не за этим.

Нам нравилось целоваться.

Люда

Люда была стройной очень симпатичной стройной девочкой, с прямыми чёрными волосами, свисавшими до плеч.

Так случилось, что она, для поцелуя, предпочитала меня, а я её. Мне вообще, кроме неё там никто из девочек не нравился. Я, конечно, перецеловался со всеми и одна из этих девочек, на моих проводах в армию, выпив и не понимая, с кем разговаривает, исповедовалась моей маме, какая она шлюха и как её берут все кто захочет. Хорошо, что об этом я узнал после армии.

Но Люда...

Почему она выбрала меня, я могу только догадываться. Я был мягок и податлив. Во мне не было того мужского начала, которое заставляло других ребят компании, демонстрировать свою мужественность.

Выглядели эти демонстрации, примерно как если самец гориллы, стучит себя лапой в грудь.

Это не про меня. Я не смотрел на Люду влюблёнными глазами, но в моём взгляде наверняка было восхищение и преклонение.

Я никогда не хватал её за грудь, если она сама не клала туда мою руку. Но, конечно она ощущала, с каким трепетом я прикасаюсь к её телу.

Мы не флиртовали. Я ничем не был выделен, среди

остальных ребят. Просто выбирала она меня чаще, и целовались мы дольше.

Она ни разу не сказала мне:

– Брысь!

Поцелуй

Французский поцелуй к привычному нам сексу, никакого отношения не имеет. Для него безразлично находится ли между вашими телами стенка, одеты ли вы, голые или даже в процессе коитуса.

Если во время поцелуя, у мужчины возникла или продолжается эрекция, это не французский поцелуй.

Французскому поцелую отдаётся всё. Ничего, кроме ваших языков, губ, ртов и дыхания не существует.

Конечно, главное это язык. Но и губы и небо, и дыхание необходимы.

Французский поцелуй – это разговор языков.

Словами это правильно не расскажешь. Даже то, что описывается словами, всегда приблизительно. А во французском поцелуе слов нет. Но это именно разговор.

Я решил сделать, пусть не точную и не умелую попытку, перевести этот разговор языков во время французского поцелуя, на язык слов. Ну как сумел.

– Привет – говорит язык Люды, обнимая мой. – Ты меня не брезгуешь?

– Я готов тебя всю выпить или выпей меня. – отвечает мой язык, ложась сверху на язык Люды.

– Лучше съешь меня или я тебя съем. – Люда, как можно сильнее всасывает мой язык в себя. Я отдаюсь.

– Я теперь ты. – Люда облизывает кончиком языка мой язык.

Я дыханием ловлю её язык и всасываю что есть силы.

– Какой ты сильный – говорит язык Люды, выскальзывая из объятий.

Прелюдия закончена и у нас начинается танец языков.

Языки ощупывают друг друга, переворачивают, крутят, щёлкают, трепещут.

– Я хочу умереть с тобой. – говорит язык Люды. – Вдохни меня.

Я вдыхаю. Не всасываю, а именно вдыхаю.

– Это я хочу умереть с тобой. – говорит мой язык. – Вдохни меня.

Окружающего мира уже нет. Мы целуемся больше двух минут, кислород кончился, и мир начинает плыть в сладостном ожидании чуда.

Мы дышим друг другом, а наши языки, то сплетаясь, то расплетаясь, ласкают друг друга. Верх и низ исчезли. Всё кружится и единственное, что я пытаюсь, так это не потерять сознание и продолжать ощущать это блаженство.

– Хватит уже сосаться! – громко говорит кто-то из ребят. – Задохнётесь ведь. С кем потом целоваться?

Короткие воспоминания о женщинах

Воспоминание первое

Украина Днепропетровск. 1985 или 86 год Аквариум ДГУ (это что-то типа музея) на Комсомольском острове.

Мы с моим другом коллегой и начальником Валеркой поймали на крыше в рабочее время нашего младшего товарища вовсе не за производственной деятельностью. Дисциплины у нас не было никакой. Все работали на сплошном энтузиазме. Поэтому совсем не производственные вопросы нас интересовали – интересовал вопрос, а что можно делать на крыше, когда внизу любимая (действительно любимая для всех) работа.

- Юра ты чего здесь делаешь?
- Не важно.
- Признавайся.
- Смотрю – смущаясь, говорит наш юный друг.
- И куда же ты смотришь?
- В раздевалки. Вдруг увижу.

Надо сказать, что крыша аквариума располагалась непосредственно над городским пляжем и примерно с десяти –

пятнадцатиметровой высоты рассматривать происходящее в пляжных раздевалках было не так уж сложно. Нельзя сказать, что нам самим никогда не приходила в голову эта мысль, но никогда для этого не было времени. Наша мотивация не была такой высокой как у семнадцатилетнего Юры. Поэтому мы и развеселились. Ситуация казалась забавной.

– Юра – спросил я – а хотел бы ты, чтобы женщины вообще ходили голые? Чтобы не надо подглядывать?

Юра был мальчик умный, а я постоянно тренировал его взрослеющий интеллект различными вопросами, содержащими подколки. Поэтому Юра задумался, а не брякнул первое попавшееся и ожидаемое: «Это было бы здорово!».

После пятиминутной паузы он ответил:

– Нет. Это было бы не хорошо. Тогда бы это было не интересно. Хорошо, когда интересно.

Воспоминание второе

Израиль Арад 1992 год. Я охранник бюро по трудоустройству поработавший перед этим техником в бедуинской школе города Ксейфе.

Каждую неделю одна бедуинка из этого поселка изменяет со мной своему мужу.

Происходит это так. Следуя за своим мужем и его старшей женой, проходя мимо меня, она приоткрывает занавесочку (не знаю, как она называется) закрывающую нижнюю часть её лица и улыбается мне.

Я улыбаюсь в ответ одними глазами, понимая, что если ее муж обнаружит это прелюбодеяние – нам обоим не жить.

Воспоминание третье

Израиль, Арад, 1992 год. Я охранник бюро по трудоустройству.

Охраняю. Хожу с пистолетом заглядываю под лавочки под машины за деревья – чтобы мин не было.

Подбегает ко мне мой друг бедуин. Как будто хочет что-то сказать, но посмотрев на пояс с пистолетом, замялся.

– Ну Сулейман говори. Что случилось.

Сулейман бледный и я начинаю волноваться не случилось ли чего.

– Извини. Мне неудобно это говорить, но там, на остановке твоя жена разговаривает с посторонним мужчиной.

Я смотрю на часы. Действительно время подвозки её на фабрику игрушек, куда она устроилась в ожидании своих стоматологических курсов. Я сдерживаю вздох облегчения. Неудобно перед Сулейманом, но как ему объяснить, что моя жена имеет обыкновение не только разговаривать с «посторонними» мужчинами, но и чмокаться с моими товарищами, приходящими к нам в гости. Причем прямо при мне.

– Спасибо Сулейман. Я разберусь.

Я протягиваю ему сигареты, и мы начинаем говорить о политике. Сулейман успокаивается, решив что возможно это брат моей жены был на остановке (иначе он ни понимает). Я не хочу объяснять, что наши женщины пользуются (незави-

симо от нашего на то одобрения) правами большими, чем бедуинские верблюды. Между нашими мировоззрениями тысячи лет, но мы дружим. Мы вместе ездили на стройку новых поселков в Гуш Катифе, и он как водитель возил меня после работы (в тайне от хозяина фабрики) купаться в Средиземном море. Только очень боялся, когда я начинал плавать. Как это возможно он понять не мог. Вода ведь жидкая? Теперь я пропускаю его без очереди отмечаться на пособие. Но эпохи развития цивилизации нас разделяющие, от этого не исчезают.

Воспоминание четвертое раннее

Туристический поход на соревнованиях по ориентированию. 1974 год.

В мой спальный мешок (спали в палатках – спасаясь от комаров) в темноте залезла неизвестная или известная, но не узнанная мной особа женского (то, что женщина я понял сразу) пола. Между нами, всё случилось, и я уснул, понадеявшись утром узнать, кто она. Надеялся на некоторое продолжение. Но проснувшись, я ночную гостью не обнаружил, а все девчонки, сидящие у костра глядя на меня, хихикали.

Так надо мной поиздевались (это мне потом рассказал один товарищ по походу) в ответ на мою скромность и непреставание (в отличие от всех других ребят) к ним девчонкам по каждому поводу. Мои попытки выяснить личность моей совратительницы по сегодняшний день остались безрезультатны. Может девчонки, смеявшиеся надо мной, жребий разыграли, кому меня «наказывать».

Не верблюды.

Воспоминание пятое

Днепропетровск Тополь 1 дом 15 квартира 54. однокомнатная квартира 1974 год.

Компания человек восемь девушки и ребята сгруппировались на двух кроватях все нагишом. Секса нет. Секс будет потом, а пока в свете торшера, расположенного у одной из кроватей попеременно, чтобы не уставать, читается «Тройка» Б. и А. Стругацких репринт самиздата.

Это не просто оргия – это протест против советской действительности, в которой, как известно – секса нет.

Воспоминание шестое

Летний вечер год 1976 Днепропетровск набережная Мандрыковского канала.

Трое два парня и девушка, гуляют, разговаривая о литературе. Жарко. Захотелось искупаться. Пошли на берег без всякой стеснительности разделись донага (купальников с собой не взяли) искупались, вдоволь наплававшись вышли оделись и пошли дальше продолжать обсуждать свою литературную тему. Эта тема в этот вечер интересовала их больше всего.

Как меня били

Школа

Рассказав о том, как меня целовали, самое время рассказать о том, как меня били.

С детства, ровесники, меня называли психом. Если кто и решался драться со мной, так это были старшие, и более сильные ребята.

Я никогда не начинал первым. Вообще до сих пор у меня никогда не было удовольствия кого-то бить. Не знаю даже, как это сложилось.

В школе, в первых классах школы, меня не трогали и я практически никогда не дрался. А зачем?

Всё изменилось к четвёртому классу.

В своём десятилетнем возрасте, я уже был воспитанным буржуазным мальчиком. Я никогда не дёргал девочек за косички, не плевался в них бумажными шариками, а наоборот, подавал пальто, был почти всегда вежлив.

Девочкам это нравилось, а вот мальчикам это наблюдавшим, это не нравилось совсем.

После того, как умер мой (пусть не родной, но любимый) дед Гриша, я стал учиться на единицы, и меня перевели в другую школу, потому что бабушка должна была идти ра-

ботать, а следить за моими занятиями она не могла. Я перебрался назад к маме и её новому мужу.

В новой школе, я просто не понял, кто есть кто и не секунды не размышляя, вступил в драку, с тогда признанным лидером класса, Гурой (фамилия Гурко). Впоследствии мы дружили, но тогда заработав по синяку, разошлись.

Но на моих одноклассников (как я потом узнал) это произвело впечатление и один на один, никогда, ни кто из них со мной не дрался.

Но то, что девочки со мной общались иначе, чем с ними, их всегда раздражало.

Зато собравшись кучей меня лупили не один раз, и иногда очень жестоко.

Лупили, набросив что-то наголову, так, чтобы я потом не знал, кого бить.

Часто лупили старшие.

Но что с этим поделаешь? Я ходил с синяками, но выводов, которых от меня ждали, не делал.

Сборы

Перелом произошёл, когда перед армией, от военкомата, нас забрали на трёхдневные сборы.

Девочек там не было. Но что-то в моём поведении, даже не знаю, возможно независимом, очень моих сверстников раздражало. Или я не всё делал как они, или выражение моего лица им не нравилось, но меня решили побить. Побить, как обычно, толпой. Сделать тёмную.

Но к тому моменту, у меня уже развилось предвкушение этого действия.

Когда дали отбой, я умудрился, так чтобы ни кто не увидел, лечь в одежде. Они не смотрели в мою сторону, боясь спугнуть.

Я сделал вид, что засыпаю от усталости, но как только выключили свет, вскочил, взял в руки табурет, на котором должны были лежать мои вещи, и стал в изголовье кровати.

На моё одеяло и подушку с разных сторон обрушились десятки ударов, а я начал работать табуреткой.

Я бил насколько хватало сил. Бил в темноту от ненависти за трусость и подлость. Сначала бил табуретом, потом тем, что от него осталось.

Двумя ножками, как нунчаками я проложил себе путь к выходу и убежал, как раз в тот момент, когда включился свет.

Тут до тех, кто решил устроить тёмную, начало доходить, что будет утром.

А утром, когда меня не обнаружат, а на десятке тех, кто меня собрался бить, обнаружат следы табуретки, то это будет большое ЧП, и их вынудят рассказать, что случилось. Отмолчаться не дадут, поскольку у начальства могут быть сомнения в том, что я вообще жив.

Они снарядили поиски.

Я сидел на холме возле дерева, за ручьём и издалека наблюдал за казармой.

Меня нашёл самый длинный, и как мне казалась самый старший из подростков. Следов моей табуретки на нём не было.

Какой бы он не был большой и сильный, драться один на один я привык, даже без шансов. Но и у него, утащить меня к казарме шансов практически не было. Но он был настроен миролюбиво.

Он предложил мне вернуться.

Зачем, чтобы меня били?

– Ну, ты же сам виноват. – Сказал он.

– А в чём?

– Когда нас собрали на построение, ты опоздал, потому что смотрел на ящериц. А нас потом заставили маршировать.

Я пытался объяснить ему, что нас сюда собрали, чтобы мы маршировали. Что после того, совсем не значит из-за того.

Бесполезно.

Но он хорошо понимал, что если я не вернусь всем с моими отметинами, а может не только им, не поздоровится.

Он предложил компромисс. Я возвращаюсь под его гарантии отсутствия бития, но обещаю больше не смотреть на ящериц. Других моих вин он найти не смог.

Да, пожалуйста.

И я вернулся. На следующее утро, вечером всё было тихо, я увидел, что тех, кто был со следами моей табуретки, было с десяток. Сначала я думал трое. У одного был синяк, у двух шишки. Как я их не убил? Но потом, под вечер, нас повели в баню.

Теперь, моя койка была рядом с тем парнем, с которым у меня был договор, и оставшаяся ночь прошла спокойно.

На работе, а работал я на радиозаводе, бить меня никакого смысла не было. На каждого мужика любого возраста, был десяток молодых девчонок и женщин. Специфика работы.

Но предстояла армия.

Учебка

Я попал в Бердичевскую учебку связи. Но работая на радиозаводе, я проходил от военкомата, курсы связи СТ-2М. То есть, телеграфиста.

По окончанию нам выдали удостоверения.

Когда меня призвали, на всех распределительных точках я, как и мои сокурсники предъявляли эти удостоверения. Нас в учебную роту попало человек семь из +-90 человек. Но в роте было три взвода, и мы все попали во взвод, со взводным лейтенантом Пехота, замком взвода сержантом Працюком и ком. отделения, младшим сержантом Шурановым.

Тут дам не было. Но служи я там подольше, меня бы обязательно побили.

Дело в том, что прибыв во взвод, в отличие от остальных моих сокурсников, я своего удостоверения никому не показывал.

А на мелочи ни кому в голову не приходило реагировать. Все были сами по себе, а я был членом семёрки.

Первая хитрость, или как охарактеризовал, потом, моё поведение потом лейтенант Пехота, проявилась в том, что через неделю нашего приезда, нам стали делать анализ.

Анализ заключался в том, что каждому в задницу вставляли кочергу с ваткой, и там крутили. Анализ на бактерии.

Я, как только увидел это дело, отправился в медсанчасть и стал жаловаться на расстройство желудка. Мне дали какую-то таблетку и я просидел там до вечера. Вечером я сказал, что желудок наладился и меня со справкой отправили в роту.

А там, проверка закончилась.

Таким образом, анализа мне не сделали, допуска работать на кухне я не получил. А стоять дневальным у тумбочки и читать книги, когда взвод идёт в наряд по кухне, это как счастье.

Вторая моя хитрожопость, по определению лейтенанта Пехоты была в том, что не показав своего удостоверения на клавиатуре, где я просто стучал по клавишам тексты, я тренировался тщательно, а проверки на телеграфном аппарате, давал с почти самой низкой скоростью во взводе.

У нас были премии. Кто первым даст 800 знаков в минуту, увольнение. Первые шесть человек уходили в увольнение. Почти вся моя днепропетровская группа шла в увольнение, а я нет. Потом так было с 1000, с 1200, 1600, 1800. Ребята шли в увольнение, а я читал у тумбочки.

Через два месяца лейтенант Пехота начал волноваться. Ему нужно было выпустить 29 телеграфистов, как минимум третьего класса, а в группе было два человека, которые вообще не тянули. Это был я и Володя Ковтун. Но Ковтун честно не тянул. И вообще он был чадо. На физподготовке я делал (правда, с трудом) три подъём-переворотом на турнике,

а Ковтун ни одного. Висел как сосиска. Я пробегал километр на норматив, а Ковтун опаздывал секунд на тридцать.

Но дело не в этом.

Через два месяца, все ходили по плацу на строевой, одевали и снимали химзащиту, пробегав в ней по три километра.... А я с Ковтуном сидел в чистом классе, за чистой клавиатурой, и стучал по ней пальцами. Через некоторое время я клал рядом книгу и щелкал пальцами читая её, а не радиogramмы группами из пяти букв.

И этот кайф продолжался до конца учебки.

Но к оказиям происходившим во время учебки.

Когда мы разматывали катушки линейной связи, а эта штука килограмм пять, на которую наматывался провод, по которому шёл сигнал, было тяжело найти вторую пару концов провода. И я придумал вывести эти концы, через центр, в бок катушки. Тогда они всегда на виду и искать их не нужно. И сколько бы ты не отмотал с катушки провода, они всегда под рукой.

Костя Костюков из Ростова, увидел, что я делаю, и предложил подать рацпредложение.

Мы его подали на двоих.

Начальству понравилось, нас вызвал какой-то майор и дал список чего ещё нужно придумать. Но проблемы.

Там была задача по определению угарного газа в машине связи. Я придумал спектро-анализатор. Мы подали и его. Я считал Костю другом и поделился с ним идеей. А был

1971 год.

– А нас бардак, потому что ни кто за своё место не борется. Вот если бы создать две коммунистические партии, и пусть бы они, как в штатах, старались бы сделать так, чтобы их избирали на следующий срок.

Через неделю меня вызвал замполит и начал расспрашивать, как я отношусь к советской власти. Я, конечно, относился к ней очень хорошо. Тогда замполит дал мне почитать донос Котюкова на меня, о двух коммунистических партиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.